DOI: https://doi.org/10.37547/supsci-ojp-05-03-05 Pages: 33-40

Oriental Journal of Philology

ORIENTAL JOURNAL OF PHILOLOGY

journal homepage:
http://www.supportscience.uz/index.php/ojp/about

METHODS OF CONVEYING NATIONAL COLOR IN THE ARABIC TRANSLATION OF G. GULYAM'S NOVELLA «THE MISCHIEF-MAKER»

Raziya B. Matibaeva
Acting Professor, Doctor of Historical Sciences
Head of the Department «Arabic Language and Literature al-Azhar»
International Islamic Academy of Uzbekistan
Email: r.matibaeva@gmail.com
Uzbekistan, Tashkent

ABOUT ARTICLE

Key words: national color, nationally-specific realities, proper nouns, nicknames, Uzbek everyday life, trans-lation techniques, transliteration.

Received: 06.03.25
Accepted: 08.03.25
Published: 10.03.25

Abstract: The article is devoted to the analysis of the conveyance of national color in the Arabic translation of Gafur Gulyam's novella "The Mischief-maker", including the problems of reproducing national realities, names, and everyday life. The study evaluates the effectiveness of translation techniques, noting the generally successful transmission of names and nicknames, but also some shortcom-ings. Overall, the translation is considered successful in introducing Uzbek culture to Arab read-ers, although certain aspects require further study.

Ғ. ҒУЛОМНИНГ «ШУМ БОЛА» ҚИССАСИНИНГ АРАБЧА ТАРЖИМАСИДА МИЛ-ЛИЙ РУҲНИ ЕТКАЗИШ УСУЛЛАРИ

Разия Б. Матибаева
профессор в. б., тарих фанлари доктори
«Араб тили ва адабиёти ал-Азҳар» кафедраси мудири
Ўзбекистон халқаро ислом академияси
Email: r.matibaeva@gmail.com
Ўзбекистон, Тошкент

МАҚОЛА ҲАҚИДА

Калит сўзлар: миллий рух, миллий ўзига хос воқеликлар, хос исмлар, лақаблар, ўзбек турмуш тарзи, тар-жима усуллари, транслитерация.

Аннотация: Мазкур мақола Ғафур Ғуломнинг «Ўзорник» қиссасининг арабча таржимасида миллий руҳни етказиш таҳлилига бағишланган бўлиб, унда миллий воқеликлар, исмлар ва турмуш тарзини қайта яратиш муаммолари ҳам ўрин олган. Тадқиқот таржима

усулларининг сама-радорлигини баҳолаб, исмлар ва лақабларнинг умуман муваффақиятли етказилганини, шу-нингдек, баъзи камчиликларни қайд этади. Умуман олганда, таржима араб ўқувчиларини ўзбек маданияти билан таништириш учун муваффақиятли деб тан олинган, гарчи айрим жиҳатлар чуқурроқ ўрганишни талаб қилса-да.

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ НАЦИОНАЛЬНОГО КОЛОРИТА В АРАБСКОМ ПЕРЕВОДЕ ПОВЕСТИ Г. ГУЛЯМА «ОЗОРНИК»

Разия Б. Матибаева
и.о. профессора, доктор исторических наук
Заведующая кафедрой «Арабский язык и литература ал-Азхар»
Международная исламская академия Узбекистана
Email: r.matibaeva@gmail.com
Узбекистан, Ташкент

О СТАТЬЕ

Ключевые слова: национальный колорит, национально-специфические реалии, имена собственные, прозвища, узбекский быт, переводческие приемы, транслитерация.

Аннотация: Статья посвящена анализу передачи национального колорита в арабском переводе повести Гафура Гуляма «Озорник», включая проблемы воспроизведения национальных реалий, имен и быта. Исследование оценивает эффективность переводческих приемов, отмечая в целом успешную передачу имен и прозвищ, но и некоторые недостатки. В целом перевод признан удачным для ознакомления арабских читателей с узбекской культурой, хотя отдельные ас-пекты требуют дальнейшего изучения.

Введение

Интенсивное развитие международных связей в XX веке обусловило значительный рост культурного обмена, ключевым аспектом которого является взаимное ознакомление с худо-жественной литературой. В связи с этим вопросы художественного перевода, ранее также являвшиеся предметом исследований, приобрели особую актуальность. В Советском Союзе в последние десятилетия был опубликован ряд работ по теории перевода, что способствова-ло становлению переводоведения как самостоятельной научной дисциплины. Задача пере-водоведения заключается в выявлении закономерностей соотношения оригинала и перевода, обобщении частных случаев на основе научных данных и опосредованном содействии пере-водческой практике путем предоставления аргументов и обоснований для выбора средств выражения и принятия решений при решении конкретных

переводческих задач [Fedorov, 2002, p. 15]. Таким образом, центральным объектом изучения теории перевода выступают отношения между оригиналом и переводом, а также анализ и систематизация форм их про-явления в различных переводческих ситуациях.

Целью данной статьи является анализ проблемы передачи национально-специфической лексики в переводе. В частности, рассматривается вопрос воспроизведения реалий и культурно-маркированных элементов на примере арабского перевода повести Г. Гуляма «Озорник».

Методы. Анализ арабского перевода повести Г. Гуляма «Озорник» выявляет ряд методов передачи национального колорита. При переводе имен собственных и прозвищ использовались транслитерация, прямой перевод (особенно при наличии понятных арабских эквивалентов), транслитерация с пояснениями, опущение (в случае особой семантики), замена (например, имени на описание должности) и пояснения в тексте или сносках. Оформление прозвищ осуществлялось в соответствии с грамматическими нормами арабского языка. Передача национально-специфических реалий общественной жизни и быта представляла сложность из-за отсутствия терминологической окраски и необходимости "фоновых зна-ний" у переводчика. Ласкательно-уничижительные и ругательно-упрекающие выражения передавались с помощью арабских эквивалентов, хотя буквальный перевод не всегда был эффективен. Заимствования из других языков (например, казахские выражения) добросо-вестно переводились, но отмечалась потенциальная необходимость в сносках для арабского читателя. В целом, переводчик применял комбинацию транслитерации, перевода, поясне-ний и замены, демонстрируя как удачные, так и спорные решения, что отражает сложность передачи культурно насыщенного художественного текста.

Результаты. Повесть Г. Гуляма «Озорник», основанная на автобиографическом материале, описывает трудное детство автора, отмеченное скитаниями и поисками средств к существованию. Произведение отличается оригинальностью, сочетая достоверность автобиографии с богатой фантазией и глубокой народностью, проявляющейся в фольклорном колорите и использовании пословиц и поговорок. Язык повести характеризуется обилием метафор и сравнений, отражающих народный быт.

Перевод такого произведения представляет значительные трудности, успешное преодоление которых определяет восприятие текста арабским читателем. Переводчику О. Абдуу удалось справиться с этой задачей, о чем свидетельствует положительная оценка повести в арабском мире. В частности, статья Абдурраззака ал-Басира, опубликованная в кувейтской газете «Ар-Рай», и отзыв Абул-Башара высоко оценивают перевод, отмечая его

способность передать дух и атмосферу произведения, а также отразить жизнь узбекского народа.

Высокая оценка перевода критиками, читавшими произведение не в оригинале, подчеркивает его качество. Умелое воспроизведение фразеологических единиц и других лексических средств, характерных для народного языка, имеет важное значение для художествен-ной ценности перевода. Настоящее исследование, в силу своего объема, фокусируется на вопросах, связанных с передачей реалий и других выражений, отражающих национально-психические особенности узбекского народа.

Обсуждение. Слова, обозначающие реалии общественной и материальной жизни, специфичных для определенного народа или страны, составляют довольно большой лексический пласт в каждом языке. При передаче реалий одного языка средствами другого языка возможны значительные колебания, варианты. «Это связано с тем, что по частоте употребления, по роли в языке, по общезначимости содержания, по своему бытовому характеру сло-ва, служащие названием таких реалий, не имеют терминологической окраски; они контра-стируют даже с самым «обыденным» контекстом в подлиннике, не выделяются в нем стили-стически, являясь привычными для языка подлинника и именно поэтому составляют особую трудность при переводе» [Fedorov, 2002, p.146].

Передача обозначения вещей, о которых идет речь в подлиннике, и образов, связанных с ними, предполагает наличие у переводчика определенных знаний о той действительности, которая изображена в переводимом произведении. За этими знаниями в последнее время закрепилось определение «фоновые знания».

«Фоновые сведения – это этнокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в данном национальном обществе» [Vinogradov, 2001, p. 87].

Как уже отмечалось выше, национально-специфические реалии многочисленны и могут быть представлены различные их группы и подгруппы в зависимости от того, в какой сфере материального быта или духовной жизни человека они функционируют. Именно по этому принципу мы сгруппировали реалии, которые рассмотрим ниже.

Передача собственных имен в области истории, географии, культуры, а также прозвищ, которые имеют свою семантику аналогична передаче или переводу слов, обозначающих национально-специфические реалии. Поскольку подобные имена употреблены в повести «Озорник» в большом количестве мы уделим им особое внимание.

Из общей теории перевода известно, что имена собственные могут передаваться способом транслитерации и в переводе.

Имена собственные, встречающиеся в анализируемом произведении, можно разделить на следующие группы: названия местностей; имена собственные лиц; прозвища лиц.

1. Названия местностей, в свою очередь, могут быть разделены на две подгруппы:

а/ названия исторически известных городов, стран и т.д.

б/ названия местностей, присущих только для описываемого региона и исторически мало известных.

В первом случае переводчик использует названия в той форме, в которой они вошли в арабский язык. Например, Хорасан - خراسان [Ghulam, 1984, p. 97]; Туркестан - تركستان [Ghulam, 1984, p. 57]; Пешавар - بيشاور [Ghulam, 1984, p. 102] и т.п.

Заслуживает интереса то, как переводчик передает название города Москвы. Известно, что в старом узбекском разговорном языке использовался вариант «Москов». Г. Гуляму, которому характерно частое использование выразительного народного языка [Ghulam, 2016, p. 141], от имени одного из персонажей пишет: «Гани энди одоқ бўлмас пулинг бўлсаю, юравер-санг, Корунчига борсанг, Туркистонга борсанг Москопга берсанг, ҳеч ким чурқ эт-маса» [Ghulam, 2016, p. 154].

В переводе на русский язык это слово так и оставлено «Москов» [Ghulam, 2016, p. 75].

Переводчик арабского языка тоже пишет «موسكوب» и тут он в скобках дает пояснение «موسكو» [Ghulam, 1984, p. 57], что на наш взгляд является удачным.

Во втором случае, т.е. при передаче названия местностей, исторически неизвестных, вернее малоизвестных, дело обстоит несколько сложнее. Как правило, переводчик использу-ет при этом метод транслитерации:

Чимкент - تشيمكنت [Ghulam, 1984, p. 54];

Чиназ - تشيناز [Ghulam, 1984, p. 57];

Чорсу - تشارسو [Ghulam, 1984, p. 111];

Кок-Терак - كوك تيراك [Ghulam, 1984, p. 20].

Следует отметить, что переводчик при транслитерации названий местностей часто исходит из узбекского варианта, что видно из следующих примеров:

Учқўрғон - Учкурган - او تشقورغان [Ghulam, 1984, p. 95];

Қўрғончи - Қўрғончи - قا ونتشي [Ghulam, 1984, p. 57];

Сариоғач - Сарыагач - ساريفاتش [Ghulam, 1984, p. 43];

Зағариқ - Загарык - زال أريق [Ghulam, 1984, p. 29].

Такой метод не всегда сказывается удачным, особенно в тех случаях, когда в арабском алфавите нет букв, передающих те или иные звуки, характерные для узбекского или русского языков. Например:

Аччабад - اتشتشاباد [Ghulam, 1984, p. 14];

Чувалачи - تشر الاتشي [Ghulam, 1984, p. 44].

При таком написании названия становится неудобочитаемым для арабоязычного читателя. В некоторых случаях переводчик использует варианты, поверив якобы анекдотической первоосновой названия. Например, Саъбан - Сағбан - سكبان [Ghulam, 1984, p. 10]. Слово «мечеть» (мачит) как известно является несколько измененным вариантом арабского «مسجد» (масжид, место поклонения).

Но при этом переводчик проявляет некоторую непоследовательность, что видно из второго примера. Слово «Хасти» по нашим данным этимологически восходит к арабскому слову «хадрат» - «حضرة».

В некоторых случаях на наш взгляд было бы целесообразным дать перевод или какое-либо пояснение к названиям. Например, «Гаппан» обозначает место в котором продаются зерновые. У узбекского читателя при чтении слово «Гаппан» сразу появляется ассоциация с шумным рынком, тогда, как слово كابان» [Ghulam, 1984, p. 92]» у арабского читателя никакой ассоциации не вызывает. То же самое можно сказать и о названии «Битбазар», что передано обычным методом транслитерации. Кстати, следует отметить, что А.Наумов при переводе произведения с узбекского на русский использовал более удачный в данном случае прием-пояснение названия в тексте: «На весь мир прославлен «Битбазар» - т.е. «Вшивый рынок», барахолка» [Ghulam, 2016, p. 22].

2. Общеизвестно, что значительную часть собственных имен узбеков составляют слова или словосочетания арабского происхождения. В подобных случаях переводчик использует собственные имена людей в арабском варианте.

Например, Абдул-Азиз - عبد العزيز [Ghulam, 1984, p. 3]; Рахматулла - رحمة الله [Ghulam, 1984, p. 11]; Рахим - رحيم [Ghulam, 1984, p. 25]; Салих - صالح [Ghulam, 1984, p. 25]; Саид - سعيد [Ghulam, 1984, p. 24]; Талиб - طالب [Ghulam, 1984, p. 107]; Султан - سلطان [Ghulam, 1984, p. 30] и т.п. Что касается имен собственных тюркского происхождения, то, как правило, передаются в транслитерации. Например, Атабай - آتاباى [Ghulam, 1984, p. 108]; Пулат - بولات [Ghulam, 1984, p. 6]; Бурибай - بوريهاي [Ghulam, 1984, p. 49]; Карабай - قارابا [Ghulam, 1984, p. 110]; Сарыбай - ساريباى [Ghulam, 1984, p. 41]; Юлдаш - يولداش [Ghulam, 1984, p. 6].

Заслуживает внимания передача имени «Мочалов». Мочалов - это фамилия исторически реальной личности, полицейского, чье имя «хорошо известно всякому, кто хоть отча-сти слышал о былых «порядках» в Туркестане» [Gulyam, 2016, p. 140]. Но эта фамилия сама по себе ничего не говорит арабоязычному читателю. Потому переводчик поступил, на наш взгляд, правильно, вообще отказавшись от нее и написал «رئيس المخفر» - «полицмейстер - начальник полицейского участка» [Gulyam, 2016, p. 25]. Несколько иначе обстоит дело с другим собственным именем «Яхшикиз». В русском тексте читаем: «...

увидели какую-то старушку... казашку, что ли... с таким смешным именем... А, вспомнил! Яхшикиз!» [Gulyam, 2016, p. 27]. Здесь смешно, что старушку зовут «Яхшикиз - хорошая девушка», что объясня-ется в русском переводе сноской. В арабском тексте:

«! وجدوا احدى العجائز ، عجوز قازاخية على ما اظر واسمها هكذا ، .. آه تذكرت : يا مشيقيز ...»

Арабский читатель здесь не увидит ничего смешного. На наш взгляд было бы правильно последовать примеру переводчика на русский язык, и дать пояснение слову «Яхшикиз».

3. Клички, прозвища, когда они употребляются отдельно и заменяют имена людей, даются в переводе, что соответствует принципам общей теории перевода. Например, Долговязый - الطويل [Ghulam, 1984, p. 37]; Рыжая Тюбетейка - ابو الطاقية الصفراء [Ghulam, 1984, p. 18].

В тех случаях, когда прозвища несут в себе определенную информацию о своем носителе и употребляются в сочетании с именем, то в соответствии с нормами арабского языка, они оформляются как приложение или согласованные определения. Например, Асра-лысый - Асра-кал - أسرا الأصلع [Ghulam, 1984, p. 3]; Азиз-пучук - Азиз-курносый - عزيزالافطس(«афтас» - кривоносый); Бадал аравакаш - Бадал-арабакеш - بدل العربجي [Ghulam, 1984, p. 50]; Коробай тожик - Карабай-таджик - قارا باي الطاجيكي [110].

Иногда прозвище ставится перед собственным именем, например, Уста Талиб - الأسطة طالب [Ghulam, 1984, p. 106].

Есть примеры и на менее удачную передачу прозвищ: Рахматулло саркар - Рахматулла-саркар - رحمة الله سار كار [Ghulam, 1984, p. 110]. (слово "саркер" персидского происхождения, раньше означало лицо, управляющее цехом, руководящее какими-либо работами. Но прозвище узбекскому читателю дает определенное представление о его носителе, в арабском же варианте они ничего не значат).

Юсуф контор - Юсуф контор - يوسف كونتور [Ghulam, 1984, p. 44].

Видимо нелепость переводчика видна в передаче прозвища «Кур Рахим» - الكور رحيم [35], где слово «الكور» с понятием «слепота» не имеет ничего общего и обозначает:

1. кузнечная печь, мех; 2. жерловушка [Baranov, 2011].

2. Иногда переводчик не переводит прозвища, имеющие свою семантику: Ризки-халфи - Ризки-халфи - رزقي خليفة [Ghulam, 1984, p. 6].

При передаче имени «Турчи-хафиз » нам кажется, переводчика подвели «ложные друзья» переводчиков, т.е. «ложные эквиваленты» [Akhmanova, 1959, №2; Fedorov, 2002, p. 140-142.]. Переводчик кажется не видит разницы между узбекскими словами: «хўжа» и «ҳожи». Например, «Ҳожи Абдулазиз» - حواجه عبد العزيز [Ghulam, 1984, p. 31], тогда как правильно было бы: «الحاج عبد العزيز».

Нам представляется уместным обратить внимание на то, что необходимо унифицировать написания собственных имен и различного рода приставок и окончаний. Например, окончание «бай» иногда пишется раздельно: Хуснибай - حسنى باى [Ghulam, 1984, p. 6]; Қора хўжа бай - [63] قارا خوجه باي; иногда слитно - أمانباي [Ghulam, 1984, p. 19].

Заключение. Передача национально-специфических реалий как мы убедились выше задача непростая и зачастую проблемная. В научной литературе по теории перевода нет ста-тей, посвященных этому вопросу в связи с восточными языками и в том числе и с арабским языком. Переводчик Р.Аббуд в целом успешно справился с этой задачей. Он умело исполь-зует различные способы передачи реалиев, начиная от их перевода кончая транслитерацией, снабжением с пояснением в сносках. Хотя нам представляется, что кое-где можно было бы более удачно передать слова реалии. На них мы указывали в ходе изложения основного во-проса. В данной работе мы коснулись лишь некоторых сторон вопроса. Главный вывод к ко-торому мы пришли в ходе написания дипломной работы это то, что исследование вопросов перевода на восточные языки и с них, особенно передача национально-специфических реа-лиев, устаревших фразеологических единиц является актуальным вопросом, имеющим практическое значение для многих переводчиков.

Список использованной литературы:

1. Akhmanova, O. S. (1959). For detailed information on «False Equivalents», see: «Voprosy Yazykoznaniya». O «Lojnix ekvivalentax» sm. podrobno: «Voprosi yazikoznaniya». №2. (in Russian)
2. Baranov, Kh. K. (2011). Arabic-Russian Dictionary. Arabsko-russkiy slovar. Moscow: Russian Language-Media. (in Russian)
3. Borisov, V. M. (2012). Russian-Arabic Dictionary. Russko-arabskiy slovar. Moscow: Russian Language-Media. (in Russian)
4. Vinogradov, V. S. (2001). Lexical Issues in the Translation of Literary Prose. Leksicheskie voprosi perevoda xudojestvennoy prozi. Moscow: Moscow University Press. - 87 p. (in Russian)
5. Ghafur Ghulam. (1984). Prankster. Al-Mushaghib. Tashkent. (in Arabic)
6. Gulom, G. (2016). Prankster. Shum bola. Tashkent: Yangi Avlod. - 152 p. (in Uzbek)
7. Gulyam, G. (2016). Prankster. Ozornik. Tashkent: Yangi Avlod. - 160 p. (in Russian)
8. Ma'murov, Z. M. (2011). Explanatory Dictionary of the Uzbek Language. O‘zbek tilining izohli lug’ati. Tashkent: Uzbekistan National Encyclopedia. (in Uzbek)
9. Rakhmatullaeva, Sh. (2016). Explanatory Phraseological Dictionary of the Uzbek Language. O‘zbek tilining izohli frazeologik lug‘ati. Tashkent: Akademnashr. (in Uzbek)
10. Fedorov, A. V. (2002). Fundamentals of the General Theory of Translation. Osnovi obshey teorii perevoda. Moscow: Filologiya Tri. - 146 p. (in Russian)